

3. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. – Т. 1. – Спб., 1913. – 466 с.
4. Григорий Нисский. Большое огласительное слово (глава 37) // Творения. – Ч. 4. – М., 1862. – 400 с.
5. Свенцицкий, В. Диалоги. – М., 1995. – 255 с.
6. Сказание о Борисе и Глебе – Сказание о убиении святых страстотерпцев, российских князей, Бориса и Глеба // Жития Святых. Минея Четья. Месяц май. – 8-ое синодальное изд. – М.: Издательство Братства свт. Алексия, 1998. – С. 59 – 83.

УДК 32: 94

А. В. Меляков

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ : КОНТЕКСТЫ, ПРИМЕРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Победа над нацизмом в годы Второй мировой войны является одним из центральных событий мировой истории XX в. В современной Украине политические, экономические, идеологические, социально-психологические, антропологические аспекты войны дебатуются на страницах научных, публицистических, общественно-политических изданий, являются предметом дискуссий на десятках научных конференций [1]. Либерализация доступа к архивам позволяет изучать и темы, в прежние годы закрытые как для исследования, так и для открытого опубликования [2]. С течением времени интерес к отдельным составляющим данной проблематики несколько затухает, другие же страницы истории Второй мировой, наоборот, изучаются с максимально возможной активностью и глубиной, что лишь подтверждает слова Итало Звево о том, что «современность дирижирует прошлым, как оркестром» [3, с. 26].

Особое место в рамках поднятой проблемы отводится такой теме как память о войне. Предметом исследований украинских историков и политологов, социологов и культурологов становятся актуальные мемориальные практики, различные составляющие государственной исторической политики [4].

Безусловно, рассматривать данные вопросы следует с учетом ряда особенностей. Часть западных территорий современной

Украины встретила войну не в июне 1941 г., но в сентябре 1939 г. Движение сопротивления на оккупированных украинских землях было не однородным, как и его социальный, национальный, этнический состав. Окончание войны было долгожданной победой для одних и новым, подчас более сложным этапом сопротивления для других.

Учитывая заданный объем материала, мы остановимся лишь на отдельных аспектах заявленной темы, а в качестве источника конкретных примеров используем родной для автора город – Харьков.

Одним из важнейших факторов, непосредственно влияющих на формирование исторической памяти, является школьное образование. В связи с этим возрастает роль качества школьных учебников. Отметим, что в нашей стране данная тема широко обсуждается с 2007 г., когда по инициативе ведущего украинского историка проф. Наталии Яковенко была создана Рабочая группа по мониторингу школьных учебников по истории Украины [5]. Среди прочих, в центре внимания ученых оказалась трактовка событий относящихся к Второй мировой войне. Данная тематика достойна своего отдельного глубокого изучения, тут лишь остановимся на некоторых моментах. Нельзя не согласиться с Н. Яковенко в том, что обращаясь к теме войны, стоит концентрироваться не только на военных действиях, сколько «на судьбах людей на фронте и в тылу, т.е. на жестокой повседневности войны». Заслуживает внимания и тезис о необходимости различать два типа коллаборационизма. И если один из них – коллаборационизм идейный явление более сложное, то на «коллаборационизм ради выживания» был фактически обречен каждый, кто оказался «под немцем». Для Украины, как и для Беларуси, территория которой была полностью оккупирована агрессором, данная проблематика приобретает особое звучание. Необходимо находить компромиссы и в отношении «темных страниц» нашей истории, в частности относящихся к Волынским событиям 1943 – 1944 гг. Решать эту задачу тем труднее, что перед Украиной, как и перед другими молодыми странами остро «стоит задача построения национальной идентичности на примерах прошлого, достойных подражания» [6]. Вместе с тем, следует согласиться с теми украинскими авторами, которые полагают, что неспособность посмотреть «открытыми

глазами» на советский период отечественной истории является опасной и непродуктивной [7, с. 154].

Мемориальным практикам последних десятилетий присуще разнообразие форм. Так, за годы украинской независимости в Харькове были созданы и открыты ряд мемориальных объектов, краткую характеристику некоторых из них приведем ниже. «Мемориал жертв тоталитаризма» был открыт в 2000 г. и расположен на месте массового захоронения польских военнослужащих, расстрелянных весной 1940 г. НКВД. Одно из немногих свидетельств насилия не перенесенного, но совершенного. Ежегодно, 12 апреля становится местом поминальных мероприятий с обязательным участием представителей польского дипломатического корпуса и католического духовенства.

Мемориальный комплекс-музей «Дробицкий Яр». Открылся в 2002 г. на месте массового захоронения мирного населения, прежде всего еврейской национальности, расстрелянного в период немецкой оккупации Харькова. Создавался в основном на деньги благотворителей и равнодушных граждан, при минимальной реальной поддержке властей.

Мемориальный комплекс «Высота маршала Конева». В его современном виде существует с 2005 г. Включает в себя собственно традиционную музейную экспозицию, а также выставку военной техники под открытым небом. Музей проводит активную поисковую работу, что позволяет пополнять экспозицию новыми, уникальными материалами.

Одним из первых масштабных мемориальных проектов, реализованных еще в советский период, стал Мемориал Славы. Открытый в 1977 г., он расположен на месте массового захоронения жертв немецкой оккупации 1941 – 1943 гг. В советский период был центром официальных памятных мероприятий. По своему содержанию был призван актуализировать как травматическую, так и триумфальную память. В мае 2015 г. по инициативе и при непосредственном участии ряда общественных организации на территории комплекса открыта стела с именами 227 харьковчан – Героев Советского Союза, 31 – полного кавалера ордена Славы, 2 – четырежды удостоенных медали «За отвагу».

Последняя страница в истории создания и обустройства этих и других памятных мест Харькова отнюдь не написана. Актуальным является проведение их сравнительной характеристики по ряду

критериев. Предметом дискуссий в среде общественности и специалистов являются количество захороненных, их национальная, социальная, профессиональная принадлежность, а также их роль в тех процессах, свидетелями которых они были. Дебатируются и другие темы. Создают ли эти мемориалы единое пространство памяти? Должны ли эти места модернизироваться со временем? Насколько громко они должны «разговаривать» с посетителями, выполняя тем самым воспитательную и просветительскую роль и оставаясь тем местом, где мертвые учат живых? Также, в контексте избранной проблемы, заслуживает внимания роль органов безопасности в преобразовании пространства памяти в Харькове. В связи с относительной слабостью институтов гражданского общества (культурных ассоциаций, национальных объединений) эта роль остается по-прежнему значительной, а данная тема еще ждет своего исследователя.

9 апреля 2015 г. Верховной Радой Украины были приняты четыре закона, каждый из которых непосредственно касается темы нашей статьи. Однако, на момент окончания материала они еще не вступили в законную силу, а своевременность и качество их подготовки не только вызвали возражения у Главного научно-экспертного управления парламента, но и катализировали активную дискуссию в среде специалистов, спровоцировали значительный резонанс в обществе [8]. Вышеизложенное дает основания для сомнений в их полной и необратимой имплементации в практику государственной исторической политики, а значит, позволяет оставить анализ данных актов за рамками настоящих тезисов.

В завершении отметим, что в современной Украине причины и ход, результаты и последствия войны, оцениваются по-разному, заполняя весь спектр оценок, от восторженных/триумфальных и до трагических/травматических. Склонные к гиперболизации авторы именуют этот процесс «войной памяти», мы же полагаем эти действительно острые и часто бескомпромиссные дискуссии одним из способов поиска согласия и гражданского примирения с прошлым, с настоящим, а главное – с будущим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веденєєв, Д. До проблеми формування наукової концепції історії України періоду Другої світової та Великої вітчизняної війн / Д. Веденєєв, О. Лисенко // Український інститут національної пам'яті. – Режим доступу: <http://www.memory.gov.ua:8080/ua/300.htm>; Україна у Другій світовій війні: джерела та інтерпретації (до 65-річчя Великої Перемоги). Матеріали міжнародної наукової конференції / Відповідальний редактор: Легасова Л.В. – К., 2011. – 800 с.
2. Литвиненко, В. Відділи військової цензури та політичного контролю НКВС-НКДБ СРСР у Червоній армії та військово-морському флоті (кін. 1930-х – березень 1946рр.) / В. Литвиненко, В. Огороднік // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – Київ-Харків, 2014. – № 1 (42). – С. 96 – 343; Ніколаєць Ю. Політичні настрої селян України на початку радянсько-німецької війни (червень 1941 – липень 1942 р.) / Ю.Ніколаєць // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – К., 2010. – № 1. – С. 131 – 146.
3. Асманн, А. Простори спогаду. Форми та трансформації культурної пам'яті / А. Асманн. – К.: Ніка-Центр, 2012. – 440 с.
4. Гриневич, В.А. Політика пам'яті Другої світової війни в Україні: у пошуках ідентичності та консолідації / В.А. Гриневич // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – 2011. – № 4 (54). – С. 111 – 126; Лисенко О.Є. Пам'ять про Другу світову війну в Україні як суспільний та світоглядний феномен / О.Є. Лисенко // Національна та історична пам'ять: зб. наук. праць. – Вип. 1. – К.: Стило, 2011. – С. 182 – 193; Стяжкіна, О.В. Окупація в Донбасі: образи минулого поза контекстом метанаративів / О.В. Стяжкіна // Національна та історична пам'ять: зб. наук. праць. – Вип. 4. – К.: Стило, 2012. – С. 102 – 114; Яременко В.М. Джерельна база та історіографія проблеми спалених українських сіл (1941 – 1944) / В.М. Яременко // Національна та історична пам'ять: зб. наук. праць. – Вип. 3. – К.: Стило, 2012. – С. 268 – 299; Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. – 1997-2013. – Вип. 1-16 // Інститут історії України НАН України. – Режим доступу: <http://www.history.org.ua/?askAbout=war>; Військово-історичний меридіан. Електронний науковий фаховий журнал. 2013-2014. – Режим доступу: <http://vim.gov.ua/index.php/uk/arkhiv-vipuskiv>.
5. Шкільна історія очима істориків-науковців. Матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України / Упорядник Н. Яковенко. – К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2008. – 128 с.

6. Концепция нового учебника украинской истории. Лекция Н. Яковенко прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.УА» // Полит.Ру. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/03/18/uchebniki/>.
7. Політика історичної пам'яті в Україні: консолідуючий та дезінтегруючий потенціал // Політичні проблеми сучасної України: аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – К., 2012. – С. 125 – 250.
8. Копитько, О. Декоммунизация и отсутствие мозгов: зачем парламент запретил все советские награды? // Музейний простір, 9 квітня 2015. – Режим доступу: <http://www.prostir.museum.ua/post/34818>; Кулик В. Закон о запрете тоталитарных символов будет отменен в Европейском суде по правам человека // Хвиля, 10.04.2015. – Режим доступу: <http://hvylya.net/analytics/politics>; Чабарай Г. Заборона комуністичної пропаганди: від наступу на свободу слова до надії на швидке «одужання» // Тиждень, 2015. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/News/134016>.

УДК 94(476)

А. Ю. Опарин

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СОГЛАСИЕ

Проблема сохранения памяти о событиях Великой Отечественной войны с каждым годом оказывается всё более и более актуальной. Это связано, прежде всего, с тем, что всё дальше оказывается во времени от нас этот трагический период белорусской истории. Нам в наследство от СССР достались мемориалы и пантеоны, которые, по логике, должны были навсегда увековечить военные события и главных героев этой войны. Но достаточным ли будет это для того, чтобы эти события и их действующие лица сохранялись в нашей исторической памяти?

Вот что, например, по этому поводу недавно написал белорусский историк А. Браточкин: «от памяти почти ничего не осталось... по крайней мере, теперь нужно намного больше усилий, чтобы помнить, потому что не только идеологические структуры советской памяти о войне обвалились, но сама война перестала